Новогодняя сказка советских архитекторов

Советская власть изобрела способ использования усадеб. Он позволил перенести в советское время многие черты усадебного быта XIX века. В начале 30-х Сталин стал жаловать усадьбы новому советскому дворянству - военным и членам творческих союзов. Марфино и Архангельское были пожалованы военным. Союз театральных деятелей получил Щелыково, усадьбу Островского. Однако самой известной коллективной советской усадьбой стало Суханово, Дом творчества архитекторов . Поскольку им предстояло создавать новый быт сталинской империи, в их усадьбе быт подмосковного имения был воссоздан с удивительной степенью подробности. Об истории Суханово рассказывает академик Российской Академии художеств Дмитрий Швидковский.

Лошадь, запряженную в сани, которые ожидали на станции приезжавших зимой в середине 30-х годов в Дом творчества архитекторов "Суханово", звали Мальчик. При ней состоял кучер, но имя его не сохранилось, хотя он часто бывал трезв и предупредителен, укутывал ноги зодчих настоящей медвежьей полостью и не без лихости несся по оснеженным аллеям бывшего имения светлейших князей Волконских. Было оно из знаменитых подмосковных и для Л. Н. Толстого в "Войне и мире" стало прообразом Лысых Гор старого князя Болконского.
Усадьба была подарена Сталиным Союзу советских архитекторов со всеми зданиями и угодьями. Правда, многое было попорчено в революционные годы. Сухановские

реликвии (ночные туфли Екатерины II; вазочка с перьями, стоявшая на столе Наполеона; диван, доставленный из Таганрога, на котором, по преданию, отошел в мир иной Александр I) увезли в Исторический музей. Опустевший дворец крестьяне для порядка сожгли, и архитекторы восстановили его только после войны, а поначалу жили в мавзолее.

Во времена Волконских это была церковь-усыпальница во имя св. Димитрия Ростовского, круглая, увенчанная огромной белокаменной княжеской короной. Сквозная колоннада соединяла ее с двумя одинаковыми богадельнями, в которых и стали размещать отдыхающих архитекторов. На месте сломанной колокольни устроили кухню, а в самой церкви, как раз над склепом с останками бывших владельцев, поставили огромной подковой обеденный стол. Отсюда возникла одна из сухановских поговорок: "Пируем, сидя на князьях".

На полукруглом столе обязательно стояли кувшины с клюквенным морсом, наливки, разнообразные соленья и маринады. Особенно славились рассыпчатый творог и густая простокваша с пенкой, котлеты из нескольких видов мяса - вроде пожарских, описанных еще в "Евгении Онегине". Десерты по преимуществу подавались белые - домашние пломбиры, легкое бланманже на старинный французский лад, сбитые сливки от собственных коров.

Отпраздновать Новый год или просто пожить сюда приезжали люди замечательные. Придирчивый Иван Владиславович Жолтовский, рафинированный поклонник итальянского Ренессанса; маститый Алексей Викторович Щусев, автор 30 дореволюционных церквей и Мавзолея Ленина; молодой и изысканный интерпретатор античной классики Георгий Павлович Гольц - все те, кто рисовал и строил грандиозную архитектурную утопию "сталинского ампира". В своих московских квартирах среди увражей in folio и гравюр Пиранези и здесь, в Суханове, в усадебном мире, тщательно огражденном от "колхозного строя", они могли уйти от обычной жизни, чтобы создавать фантастические многоколонные образы гармонии советского государства.

Однако забываться не следовало. Как настойчивое напоминание о том, что советский человек не просто смертен, а, по выражению Михаила Афанасьевича Булгакова, "внезапно смертен", стояла на подъезде к Суханову Екатерининская пустынь, превращенная в одну из самых страшных тюрем НКВД. В послесталинскую эпоху там располагалось учреждение, называвшееся вроде бы Музеем самодеятельного творчества внутренних войск, и там, кроме картин, написанных личным составом, потихоньку показывали подвал, в котором расстреляли Тухачевского, но ходить туда не очень хотелось.

Сухановские горничные и судомойки, служившие на одних и тех же местах десятилетиями, рассказывали, что часовые и конвоиры в той тюрьме, которую в просторечии называли Сухановкой, были ну просто кровь с молоком, румяные, веселые, знали их всех в лицо. Последнее объяснялось тем, что остатки обильных блюд, которые архитекторы не могли доесть, сваливали в большие молочные бидоны, и девушки из обслуги Дома творчества на маленьких саночках возили их в тюрьму.

После осуждения культа личности и закрытия Сухановки жизнь в архитектурном поместье тоже изменилась. Людей стало приезжать значительно больше, потому что вошел в строй отреставрированный новый корпус под названием "Дворец". Он, собственно, таковым был и уж во всяком случае соответственно выглядел. Архитектурное начальство позаботилось о том, чтобы наполнить его дешевым в те годы антиквариатом: мебелью красного дерева и карельской березы, люстрами из хрусталя и цветного стекла XIX-го и даже конца XVIII века, старинными зеркалами, часами и вазами. Благодаря "трофейному фонду" (из числа вещей, привезенных из Германии) во Дворце появились неплохие картины европейских мастеров - даже вроде бы подлинный Каналетто, висевший в вестибюле перед медчастью,- мейсенские фигурки на столах в наиболее привилегированных комнатах, замечательные канделябры в духе прусского классицизма и голландские резные кресла черного дерева.

Была собрана библиотека - очень заботливыми руками и с большим вкусом. Если не считать советских книг, то в основной своей части она была такой, какой и должна была быть в богатом предреволюционном поместье: многотомные классики, изданные в приложении к журналу "Нива", стихи и романы Серебряного века, разрозненные подшивки "Старых годов", "Золотого руна", "Столицы и усадьбы". В архитектурном

поместье наступил "золотой век".
Но с годами наших архитекторов начала давить надоедливая крупнопанельная скука. Лучше было уехать в уютное Суханово, забыть обо всем и повеселиться как следует или порисовать на свободе.
Конечно, еда стала совсем не та, что в сталинское время. Часть земель и крестьян архитектурного поместья забрали в совхоз. Морс исчез вместе с маринованными грибочками, мороженое вообще перестали делать, порции бланманже катастрофически уменьшились, а подавать его стали только по воскресеньям. Правда, твердые кубики крепко посоленных черных сухарей продолжали раздавать бесплатно и почти без ограничений. Все это сохранялось неизменным вплоть до наступления перестройки.
Запомнилось прежде всего зимнее Суханово. Здесь бурно отмечали новый и старый Новый год, а особенно детские каникулы. Две первых недели января были апогеем сухановской жизни. Комнаты во Дворце и мавзолее тогда шли нарасхват, но с соблюдением "табели о рангах" в рамках Союза архитекторов СССР. Годами, десятилетиями приезжали в поместье в это время одни те же люди. И вот странно: что бы они ни ломали и ни строили там, за сухановской оградой, здесь все почти становились симпатичными. Даже в интригах на сухановский период устраивалось перемирие.
Сами зодчие, их жены и дети после завтрака спускались на лыжах с горки, на которой стоит дворец, к пруду, переходили его по льду и направлялись в лес по проторенной лыжне - совершать среди елок большой или малый круг (в зависимости от любви к морозу). Те, кто не мог оценить прелести отечественного климата, направлялись к одному из двух главных центров притяжения отдыхающих - бильярдной или библиотеке. В первой располагались два роскошных бильярдных стола и еще третий, поменьше, для карамболя, и некоторые архитекторы достигали здесь высокого искусства и всемосковской славы.
В памяти сохранился скрип снега в темных и обжигающих морозом аллеях; пугающий крик жившего пару лет в дупле филина; разговоры со старенькими горничными, когда все уходили в кино; улыбки официанток, помнивших тебя с детства; шуршание кольцами падающих вниз - стоило только снять с гвоздя шнурок - шелковых, на старинный манер занавесей, мгновенно скрывавших заоконную метель. Все это составило, может быть, наиболее приятную часть жизни трех советских архитектурных поколений, родило в них ощущение единого клана, до сих пор полностью не исчезнувшее.

Журнал "Коммерсант - Власть" № 2(353) от 18.01.2000 г.

P.S. Сухановская тюрьма

agenjura.ru